

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

«Нельзя бросать весла!»

Сегодня исполнилось бы 100 лет Аркадию Натановичу Стругацкому

Аркадий Стругацкий. Фото: Геннадий Шакин

13:57, 28 августа 2025,

Борис Вишневский*

обозреватель

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВИШНЕВСКИМ БОРИСОМ ЛАЗАРЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВИШНЕВСКОГО БОРИСА ЛАЗАРЕВИЧА.

Мне не посчастливилося быть лично знакомым со старшим из Учителей, ушедшим 12 октября 1991-го.

Но посчастливилося вырасти на книгах, которые написали они с братом.

Они учили нас шагать навстречу ветру, взявшись за руки друзей.

Сомневаться в, казалось бы, непреложных истинах.

Твердо знать, что нельзя «трусить, лгать и нападать».

И наши души, хлебнувшие свободы из щедрого источника их книг, распрымлялись, обретая иммунитет к страху.

«Как славно было знать, что где-то далеко, за пять тысяч километров, живет большой и добрый Учитель, который знает если не ответы, то, по крайней мере, вопросы, на которые каждый должен ответить в этом страшном исковерканном и искаженном мире. И вот это все? Хриплый выдох Леши Керзина в телефонную трубку: «Арктаныч умер». И пронзительный вакуум,

пронизывающий насквозь. И ощущение полной беспомощности в суматошно галдящем аэропорту, никак не желающем понять, что тебе позарез нужно улететь в далекую Москву в эту остуженную ночь...

Как жить дальше? Куда ж нам плыть? И зачем? Я не знаю.

Но как завещание нам остались слова Учителя: «Нельзя бросать весла». Давайте все вместе подумаем над этими словами».

13 октября 1991 года, после кончины Аркадия Натановича Стругацкого, это напишет мой давний товарищ Владимир Борисов из Абакана — библиограф, переводчик, литературный критик, один из самых квалифицированных и неравнодушных исследователей творчества братьев Стругацких.

Аркадий Стругацкий родился 28 августа 1925 года в Батуми.

Его отец, Натан Стругацкий, сын провинциального адвоката, в 1916 году вступил в партию большевиков, во время Гражданской войны был комиссаром кавалерийской бригады, носил на френче два ромба (по тем временам — генеральский чин), а после демобилизации из Красной армии работал в Батуми редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Мать, Александра Литвинчева, была дочкой мелкого прасола (торгового посредника между крестьянами и купцами). Младший брат, Борис Стругацкий, родился 15 апреля 1933 года уже в Ленинграде, куда отца перевели на партийную работу.

Аркадий Стругацкий с родителями. Фото: Геннадий Шакин

Трижды за свою жизнь Аркадий Стругацкий должен был погибнуть.

В первый раз — во время ленинградской блокады, когда они с отцом в самую страшную блокадную зиму 1941–1942 годов были на грани голодной смерти от дистрофии. Но 28 января 1942 года им удалось уехать в эвакуацию вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, где работал Нatan Залманович (считали, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться: отец и Аркадий уедут, мать и Борис останутся).

Забегая вперед: говорить о блокаде Аркадий Натанович очень не любил. Иногда говорил только, что там было слишком страшно, чтобы об этом рассказывать. После блокады он потерял почти все зубы, и знаменитые усы он отпустил не столько для красоты, сколько для того, чтобы замаскировать отсутствие передних зубов. Однако лишь близкие знали об

этом. Аркадий Натанович сумел научиться говорить так, что нечасто видящие его ни о чем не догадывались...

Во второй раз Аркадий Стругацкий должен был погибнуть во время эвакуации, когда машина, ехавшая через Ладожское озеро по «Дороге жизни», провалилась в полынью в 30-градусный мороз. Аркадий с отцом сумели выскочить, как и другие пассажиры, а затем машина все-таки довезла их до другого берега. Потом, во время 8-дневного пути на поезде в теплушке в Вологду, они тоже чудом выжили, но заболели и попали в госпиталь, где Натан Залманович скончался.

И в третий раз Аркадий Стругацкий должен был погибнуть, когда в феврале 1943 года он окончил Актюбинское минометное училище, и судьба его была — летом того же года сгинуть на Курской дуге, как и весь его курс. Но тут случился отбор кандидатов в Москву, в военный институт иностранных языков, и одним из двух самых грамотных, прошедших отбор, стал Аркадий Стругацкий...

Став военным переводчиком, Аркадий будет служить в армии до 1955 года, а потом вернется в Ленинград, где встретится с братом, к тому времени работавшим в Пулковской обсерватории после окончания матмеха ЛГУ.

Выяснилось, что обоих «тянет писать», причем у Аркадия уже была (в соавторстве с Львом Петровым) напечатана повесть «Пепел Бикини».

Через три года у братьев вышли первые рассказы: «Извне» и «Спонтанный рефлекс», а в 1959 году — повесть «Страна багровых туч».

Вот как потом будет об этом вспоминать Аркадий Стругацкий:

«Мы с Борисом и моей женой гуляли по Невскому проспекту, а только что вышла на редкость слабая книжка одного украинского фантаста. Мы с братом разругивали ее, как могли, а жена шла в середине, слушая, как мы изошлялись. Наконец терпение ее лопнуло: критиковать все могут, — сказала она, — а сами, поди, и такого не напишете. Нас, разумеется, взорвало: да не вставая из-за стола... Кажется, заключили пари, сколько писали — не помню. Полкнижки — я, полкнижки — Борис, потом состыковали эпизоды, убрали накладки и понесли в издательство. К нашему удивлению — через год напечатали, и пари мы выиграли. Но на самом деле выигрыш был куда больше: оказалось, что мы с братом вполне можем писать сообща...»

А вот — воспоминания Бориса Стругацкого:

«Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, стать — никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел, АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и

невероятных возможностей. Потом все это прошло и переменилось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, взыграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каковом пребывал АН периода 1955–1965 годов...»

При всем этом, как рассказывал мне Борис Натанович,

судьба трепала Аркадия без всякой пощады, особенно в первой половине жизни — блокада, эвакуация, армия, бездомная жизнь, армейские будни...

Братья Стругацкие. Фото: Геннадий Шакин

Впрочем, по словам БНС, «в молодые годы мы оба с ним были р-р-радикалами и р-р-революционерами с тремя «р». Любителями быстрого движения истории, резких скачков и переломов. С годами приходит стремление к покою, начинаешь ценить его и понимать всю неуютность исторических передряг. Без перемен — никуда, перемены нужны и неизбежны, — но их следует воспринимать как неизбежное зло, как горькую расплату за прогресс. Но это мы осознали позднее, а в молодости любые перемены казались нам прекрасными уже потому, что обещали новое. «Тот, кто в молодости не был радикалом, — не имеет сердца, кто не стал в старости консерватором — не имеет ума».

Хотя Аркадий Стругацкий иногда бывал, по словам Бориса, «резок и свиреп, если попасть ему под горячую руку», он был

добрый и внимательный (особенно к «молодым талантам») человеком. И он был «добр не только к людям, он был добр к человечеству, а значит — к будущей его истории».

В последнее десятилетие жизни он больше всего ценил покой, стабильность, устойчивость — то, чего ему всю жизнь больше всего не доставало. И соответственно, не любил он всевозможные передряги, встряски, сюрпризы и катастрофы. Впрочем, цитируя БНС, он «ценил стабильность, но не любил гниения»...

По словам Владимира Борисова, Аркадий Наташевич в самом начале 1980-х годов отчетливо обозначил свое отношение к появляющимся тогда клубам любителей фантастики и всячески поддерживал их в любые времена.

На первом Всесоюзном совещании клубов любителей фантастики в Киеве в марте 1988 года в своем выступлении он говорил: «Вы — клубы профессиональных читателей, элитных читателей. Поэтому мне было весело, когда академик К.М. Сытник рассказывал вам, что такое фотосинтез. Он перепутал: наверное, думал, что выступает перед писателями-фантастами, — вот они действительно часто не знают...»

Клубы отвечали братьям Стругацким взаимностью. И вольно или невольно перенимали у них типичный авторский приемчик:

пишатели очень часто цитировали в своих произведениях других авторов, а любители фантастики иногда говорили «по-стругацки», с полуслова понимая друг друга по цитатам.

«Так получилось, что на одном из заседаний этого совещания я сидел в президиуме рядом с Аркадием Натановичем, — вспоминает Борисов. — После того как в очередной раз представитель ЦК ВЛКСМ начал с трибуны поучать клубы, что и как они должны делать, я не выдержал, попросил слова и энергично объяснил, что на самом деле клубы никому и ничего не должны, и тот же комсомол должен быть им благодарен за то, что в клубах молодые люди читают книги, а не шастают по подворотням. Вернувшись на свое место, я услышал от Аркадия Натановича: «Хорошо ты им врезал, по-рабочему. Прямо как Бэнкэй». И он усмехнулся в усы. В этих двух словах он умудрился сделать контаминацию сразу из двух разных источников — процитировал известную песню Александра Галича о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира, и упомянул персонажа «Сказания об Есицунэ», который отличался решимостью и верностью. И вот эта уверенность Аркадия Стругацкого в том, что его правильно поймут и «расшифруют» сказанное, дорого стоила. Во всяком случае, я был ему за это очень благодарен...»

Аркадий Стругацкий. Фото: Геннадий Шакин

И еще одна история из воспоминаний Владимира Борисова — как два отчаянных поклонника фантастики вообще и фантастики Стругацких в особенности, он и Борис Завгородний, давно хотели приехать в Москву, хотя бы на минутку зайти к Аркадию Натановичу, сказать, как они его любят и его с братом книги — а там вдруг он скажет им что-нибудь? Вдруг не откажется на книжках расписаться, а их — целый рюкзак? Вдруг не сразу спустит с лестницы?

Решились фэнзы на отчаянный поступок в 1983 году. Раздобыли телефон и адрес. Страшно волнуясь, позвонили с вокзала: мы такие-то, ваши поклонники, нельзя ли в любой день, в любой час на одну только минуту зайти? Мы специально к вам. Один — из Волгограда, другой — из Абакана...

— Конечно, ребята, приезжайте. Когда вам удобно?

Фэны долго покупали подарок. Знали, что мэтр любит хороший коньяк. Купили самого дорогого. Приехали. В подъезде, не решаясь позвонить в дверь, выкурили по две сигареты подряд.

Дверь им открыл очень высокий человек в домашних стоптанных тапках, в стареньких тренировочных штанах и клетчатой рубашке.

— Здравствуйте, Аркадий Натанович! Это мы вам утром звонили! Это вам от чистого сердца! — и бутылку марочного коньяка впереди себя, вместо пропуска.

— Ну что вы, ребята! Бутылочку-то свою уберите, она вам еще пригодится. Я, пока вы от вокзала так долго ехали, уже в магазин сходил, еды кое-какой приготовил, опять же коньяку купил, чайник на плиту поставил. Заходите, раздевайтесь, сейчас посидим, поговорим... Вы не очень спешите?

Вот что Аркадий Натанович отвечал на вопросы, заданные разными людьми в разные годы:

— **Каким вы были в шестнадцать лет?**

— 1941-й год. Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. В шестнадцать лет я влюблен. Я категоричен: все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие...

— **Почему в ваших произведениях, как правило, нет женщин на главных ролях?**

— Толстой говорил, что можно выдумать все, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать

же о том, чего я не понимаю, я не умею. И вообще, женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле: они знают что-то, чего не знаем мы, люди...

— Считаете ли вы с братом себя Прогрессорами?

— Прогрессором в том понимании этого слова, которое ему придаем мы, обязан быть каждый писатель. И не только писатель. Любой школьный учитель, если учит добру, понятиям чести и справедливости, — своего рода Прогрессор. Хотя, конечно, встречаются и «Регрессоры»...

— Бывают ли случаи, когда вы не знаете, чем закончится книга?

— Никогда еще в истории нашей с братом деятельности книга не кончалось так, как мы задумали. Мы всегда знаем, о чем пишем, — и всегда ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а в середине книги...

В моей книге о братьях Стругацких «Двойная звезда» (первое издание вышло в 2003 году, второе — в 2013-м, третье — в 2022-м) приведена составленная Михаилом Дубровским в начале 90-х годов «Краткая шуточная биография Аркадия Стругацкого» (с комментариями Бориса Стругацкого).

Вот несколько выдержек из нее:

Вопрос из зала:

— Скажите, как вы относитесь к постановлению партии и правительства об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом?

А.Н. Стругацкий начинает бормотать что-то невнятное, что, конечно, дело нужное, правильное... Потом, вздохнув:

— Вообще-то вопрос не по адресу. Я же — потребитель этой гадости...

Одна из дочерей Аркадия Натановича — Наталья — училась в Московском институте стран Азии и Африки. Однажды она шла по коридору ИСАА и услышала шепот за спиной:

— **Мужики, гляньте: вон идет дочь братьев Стругацких!**

Комментарий Бориса Стругацкого: видимо, это — абсолютно достоверно. В точности то же произошло в доме творчества «Гагры» — моя жена услышала о себе краем уха: «Вот идет жена братьев Стругацких».

Начало 60-х. Уже написаны «Страна багровых туч», «Извне», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Полдень, XXII век», «Далекая Радуга». Стругацкие — один из лидеров советской фантастики. Но Аркадий Натанович не удовлетворен написанным. Он говорит одному из своих друзей:

— Научно-техническая фантастика мне неинтересна. Она как собака на цепи. Лаю много, а укусить нельзя.

— **Что же тогда тебе интересно?**

— Мне интересна собака дикая!

Когда в семидесятые годы Стругацких никак не хотели печатать на родине, редакторы в издательствах говорили в свое оправдание, что они и даже их начальство сделали бы это с

радостью, да вот ЦК КПСС не рекомендует.

Услышав эту версию в очередной раз, Аркадий Натанович пошел на прием к тогдашнему министру культуры Демичеву. И задал вопрос впрямую.

— Ну что вы, Аркадий Натанович, — услышал он в ответ. — В ЦК у вас врагов нет. Ищите врагов в других местах.

И Аркадий Натанович поверил. Кто бы ему после этого визита ни говорил, что руководители издательств никогда не решают подобных вопросов самостоятельно, а ориентируются на «мнение» Центрального комитета партии, Аркадий Натанович всегда отвечал:

— Неправда. Мне Демичев сказал, что в ЦК у меня врагов нет.

Хороший знакомый А.Н. Стругацкого — Александр Городницкий — задумал познакомить Аркадия Натановича с еще одним своим другом — поэтом Александром Кушнером. Но знакомства не получилось. Кушнер не нашел ничего лучшего, как заявить в начале знакомства, что фантастику он терпеть не может.

Аркадий Натанович в долгу не остался — сказал в ответ, что он совершенно равнодушен к поэзии. После этого Городницкий несколько раз пытался их помирить, но как ни растолковывал Городницкий Аркадию Натановичу, что Кушнер — человек хороший, Аркадий Натанович мириться с Кушнером никак не хотел.

Середина 70-х. Денег нет ни у Аркадия Стругацкого — его с братом прозу не печатают совсем, ни у его друга, переводчика с вьетнамского Мариана Ткачева, — его печатают очень и очень редко. Тем не менее всегда, когда Мариан Ткачев уезжает из Москвы, Аркадий Натанович звонит его жене и спрашивает:

— Инна, скажи честно: деньги еще есть или уже кончились?

И надо было не просто ответить, что деньги есть, а ответить не задумываясь. Иначе Аркадий Натанович мог привезти последние, а домой возвращаться через весь город пешком — мелочи на обратную дорогу у него могло не оказаться.

Аркадий Стругацкий. Фото: Геннадий Шакин

Вопрос о новом костюме возник примерно за месяц до премьеры «Сталкера» в московском Доме кино. От похода в ателье Литфонда Аркадий Натанович отказался категорически. Тогда ему купили отрез и нашли частного портного, который согласился прийти снять мерку на дому. «Только чтобы без всяких примерок!» — поставил условие Стругацкий.

Это, наверное, был самый удивительный клиент в жизни портного. Он никак не хотел стоять на месте. Он без спроса то поднимал руки, то опускал их. Когда портной прикладывал сантиметр, Аркадий Натанович то порывался взять книгу с

полки, то подойти к телефону, то начинал искать сигареты. Портной матерился, но обмерял.

Премьера. Появление Аркадия Натановича в новом костюмчике стало не меньшим событием, чем сам «Сталкер». Если на его старый костюм нельзя было смотреть без слез, то на новый — без смеха. Одна штанина была короче другой, лацканы разные, рукава — тоже. В итоге он надел его в первый и последний раз в жизни. И остались от нового костюма тряпка в прихожей его квартиры на проспекте Вернадского в Москве и песенка из телевизионного фильма «Чародеи» по сценарию Стругацких с припевом «главное, чтобы костюмчик сидел».

Аркадий Натанович — как и Борис Натанович — не любил прогнозов.

Но как же много они предугадали!

- **«Если начальство недовольно каким-нибудь ученым, вы объявляете себя врагом науки вообще. Если начальство недовольно каким-нибудь иностранцем, вы готовы объявить войну всему, что за кордоном».**
- **«Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки».**
- **«Мне объяснили, что правда — это то, что сейчас во благо королю. Все остальное ложь и преступление».**
- **«Страны, которые нравились господину президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократии. Страны, которые господину президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские, злодейские нападения».**
- **«Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дермо».**

- «До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашистующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?»
- «Либералы были в общем против башен и против Неизвестных Отцов. Однако больше всего они боялись гражданской войны. Это были национальные патриоты, чрезвычайно пекущиеся о славе и мощи государства и опасающиеся, что уничтожение башен приведет к хаосу, всеобщему оплеванию святынь и безвозвратному распаду нации. В подполье они сидели потому, что все как один были сторонниками парламентских форм правления».
- «Мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книжечеев сажают на кол, король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».
- «Горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства».
- «Хоть бы одна сволочь спросила, что она должна делать. Так нет же, каждая сволочь спрашивает только, что с ней будут делать».
- И последнее, дающее надежду.
- «Ветер богов поднимает бурю, но он же раздувает паруса».

Фотографии Геннадия Шакина (предоставлены им в распоряжение автора), 1974–1977 годы.

* Минюст РФ внес в реестр «иностранных агентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Здесь типично фашистская практика»](#)

Как получилось, что самая известная книга братьев Стругацких вновь вызывает споры — о допустимости насилия

18:08, 24 мая 2025, Борис Вишневский*

[Трудно быть богом для всех](#)

О романе братьев Стругацких

14:18, 28 апреля 2025, Виктория Артемьева